

«А как Петя? — Ну, Петя старается...»

На творческих встречах Петр Семак любит с иронией рассказывать о юности: как вырос в украинском селе, мечтал пойти работать на железную дорогу водить паровозы, но вдруг решил попробовать стать артистом. Как учительница его — «трус был!» — за руку повела в приемную комиссию Харьковского института искусств, как благополучно туда поступил и два года проучился. Как приехал наудачу в Ленинград, смирился с участью провалиться на вступительных и пойти в армию, но оказался принят — и сам тому не поверил — на курс к Льву Додину и Аркадию Кацману в ЛГИТМиК. Как ничего сперва не получалось и как все смеялись над его украинским акцентом. «Тогда я подумал: если меня взяли, то я, наверное, чего-то стою. И стал выкладываться не на сто двадцать, а на тысячу двести процентов. Перестал спать. В своей сельской школе я не читал ни Цветаеву, ни Ахматову: у нас были только Маяковский и Есенин. А тут стал по ночам читать, делать этюды. И в конце концов упал от истощения в обморок. Очнулся, купил винограда, шоколада, съел и проспал 36 часов, — вспоминает он. — А в декабре началась такая неуверенность в себе, что я сбежал из института, хотел все бросить, но вернулся — с трудом приняли обратно. Дали испытательный срок, и за неделю сделал такой фантастический рывок, что мне даже тройку не поставили». По такому графику — от отчаяния, когда всерьез хочется оставить профессию, до «фантастического рывка» — с тех пор карьера и движется, говорит Петр Семак. «Такая у нас планка — разочарования и очарования».

Разочарования, очарования и озарения. Суть актерской профессии, как часто повторяет Петр Михайлович, в том, чтобы идти по улице и вдруг понять: все, что ты делал в роли до сих пор, неправильно, а надо на самом деле совершенно по-другому. «На последнем курсе мы, еще студенты, репетировали „Братьев Карамазовых“. Аркадий Иосифович Кацман все время твердил мне про великого Леонида Леонидова, который в 1910 году в МХТ играл Митю Карамазова. И я без конца смотрел фотографии Леонидова в роли Мити, даже помню карикатуру, где его нарисовали с широченной грудью. Для Леонидова это было важно — огромная грудь человека, в котором „бог с дьяволом борются“, в котором помещается все, и хорошее, и плохое: „Широкий человек! Я бы сузил!“ И русский характер этот — импульсивный, увлекающийся, грешный. То мне велел Аркадий Иосифович держать спину, безумные глаза навывкате — тянул на Леонидова. То говорил патетично: „Петя! Когда Леонидов кричал во МХАТе: „Где она? Где Грушенька?“ — люстра дрожала в театре!“ Я жутко страдал, Леонидова ненавидел, очень хотелось сыграть не хуже, но ничего не получалось. Как ни кричал, люстра ни разу в учебном театре не задрожала», — рассказывает Петр Семак. Сыграли премьеру, все были в восторге от игры выпускников курса Додина и Кацмана. «И тут речь заходила про меня: „А как Петя?“ „Ну, Петя старается...“ Это было самое обидное».

От обиды старался еще сильнее: на сцене потел, был так напряжен, что сводило

скулы, превратился в палку. «Все это так меня мучило, что я и по ночам в голове прокручивал спектакль. Снова и снова: в метро, на улице сам с собою играешь, проверяешь... И вдруг — озарение. Господи. А зачем я так ору? Зачем надрываюсь? Нас всегда учили: идите от себя. Я же так в жизни не ору? Нет, не ору, — переходит Петр Семак на шепот. — И я стал каждую сцену переигрывать по-своему. Не надо, чтобы дрожала люстра. Забыть про великого Леонидова. Рискнул пойти против воли учителя. Я ждал такого — бури! — что меня Аркадий Иосифович изничтожит, размажет. А он все понял. Подходит и говорит: „Простите, Петя. Но когда вы хотите — вы можете!“ И я понял, что на правильном пути. Понял, что темперамент можно сыграть и без ора. Темперамент — внутри».

«Зал замирает, и ты понимаешь: они понимают»

Спустя три года после выпускного спектакля, в двадцать шесть, Петр Семак получил роль деревенского мальчишки Мишки Пряслина в абрамовских «Братьях и сестрах». Актеру, недавно приехавшему из провинции, казалось, будто на нем поставили клеймо: «Этого — только на мужицкие роли». «А я-то приехал Шекспира играть, а не деревенщину». Первая шекспировская роль случилась намного позже: в тридцать семь — Леонт в «Зимней сказке», еще через десять лет — Лир. К тому времени зато удалось понять: как темперамент можно играть без надрыва, так и масштаб роли не зависит от материала.

«Все великие пишут об одном и том же: и Шекспир, и Абрамов, и Достоевский. Другое дело, что словами ты этого объяснить не можешь, а в процессе репетиций, работы достичь этих высот можно. Я очень люблю фильмы Тарковского. У него бывают кадры, где просто люди молчат. А такая жизнь: через глаза, тело, руки», — говорит Семак. Вспоминает документальный фильм о том, как Тарковский снимал «Ностальгию»: в драматический момент нужно было снять, как герой просто стоит и смотрит. «Актер готовится, все очень ответственно. Просит Тарковского: когда будете готовы снимать, скажите. Тарковский ему: „Да-да-да, готовьтесь“. Тот стоит, готовится. „Ну что ж вы?“ — „Мы еще не готовы“. Естественно, он давно велел оператору снимать без мотора и хлопушки. Поймал момент, когда актер действительно о чем-то задумался, и говорит: „Стоп, снято, спасибо“. Но в кино проще, — рассуждает Петр Михайлович. — В театре же каждый раз, каждый день после премьеры нужно уточнять, уточнять, чтобы, может быть, один раз сыграть — не гениально, а точно. Но когда эти моменты возникают — это высшее наслаждение для настоящего актера. Когда зал замирает, и ты понимаешь: они понимают».

Именно «мужицкая» роль в «Братьях и сестрах» — постановке о жизни в тылу во время войны, голоде и смерти — для Петра Семака оказалась по накалу шекспировской. Эффект от премьеры, вспоминает он, «был сравним со взрывом атомной бомбы». «В зале — взрыв таких эмоций, такая энергетика, что творилось, боже мой! Я забился в кулисах и плакал навзрыд, и не понимал

ФУТБОЛКА RICK OWENS,
СПОРТИВНЫЕ БРЮКИ
ADIDAS ORIGINALS,
БОТИНКИ ЧЕЛСИ
RICK OWENS

отчего». Чувство единения со всеми людьми артисту много раз приходилось испытывать, играя этот спектакль, — даже за границей: интимная история о русской деревне оказалась универсальной. Самое сильное — на всю жизнь — впечатление осталось от гастролей во французском Лионе. «В спектакле есть сцена, когда мой герой, Мишка, представляет, что все умершие живы, все возвращаются домой, — Петр Михайлович делает паузу, объясняя: до сих пор дыхание перехватывает. — Я закрываю изгородь и иду в зрительный зал. А зал в театре в Лионе вытянутый был, огромный. Мне нужно было идти через него долго-долго. И тут зрители стали вскакивать. Меня обнимать. Вытирать мне слезы. И какой-то француз вскочил и с акцентом по-русски говорит: „Русский, русский, ты не плачь, не плачь, русский“. Господи, что со мной стало твориться. Это пережить невозможно. Как они приняли! Как свое. Такой театр я люблю. Который потрясает, который переворачивает».

Способность создавать спектакли, которые бы не только развлекали, а представляли бы зал «замирать, дышать, испытывать потрясение», в последние годы «с феноменальной скоростью утрачивается», говорит Петр Семак. Дело в эпохе: в советское время, говорит он, вопреки цензуре создавались великие спектакли — те, на которых он как артист вырос. «Спектакль Льва Додина „Дом“, пока он игрался, я смотрел раз сто. Для меня это было как сходить в церковь, причаститься, покаяться, обновиться», — рассказывает Петр Михайлович. То, что происходит с театром сейчас, он описывает как поиск — поиск ответа на новые вызовы. «Все ищут почву, ищут, на что опереться. Поэтому сейчас время конфликтов, непонимания, скандалов, неприятия. Юрия Бутусова несчастного ненавидят, Константина Богомолова выжили почти из Москвы... Когда-то поиск закончится, и все вернется на круги своя. Но вернется с другим знаком, с другим запахом, с другими лицами, с другими голосами».